

# OLRi Iv



## ТАЧКА Рассказы

OlRi Iv

**Тачка. Рассказы**

«Издательские решения»

**Iv O.**

Тачка. Рассказы / О. Iv — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740278-5

Эта книга продолжает серию таких сборников рассказов, как «Рыбы яйца», «Осина — дерево смерти», «Аэропорт, зал ожидания», рассказов о наших современниках о разнообразии характеров, с которыми мы встречаемся ежедневно.

ISBN 978-5-44-740278-5

© Iv O.

© Издательские решения

## Содержание

Портрет без фона	6
Толерантность	9
Старик и морда	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

# Тачка Рассказы

**OIRi Iv**

*Иллюстратор OIRi Iv*

© OIRi Iv, 2018

© OIRi Iv, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-0278-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Портрет без фона

Зина подумала и написала «Рисую персонажей на заказ». Немного поразмышляла и добавила «Можно и не персонажей». Полосатые обои навевали скуку. Коричневая полоска, желтая полоска и так по кругу, от двери к окну и дальше по часовой стрелке.

– Персонажей не персонажей, персонажей не персонажей, кому они нужны эти персонажи? – Зина зевнула: – Хорошо бы было выиграть деньги в какую-нибудь лотерею, еще лучше получить приз в каком-нибудь конкурсе и прославиться, но такие деньги очень быстро закончатся, хорошо бы получить в наследство выставочный зал или целую галерею.

– Иди есть, – крикнула мать из кухни.

Зина хотела было спросить, что на обед, но передумала и еще раз зевнула.

Тарелка с супом исчезла быстро, тарелка с пюре последовала следом, Зина отвалилась от стола и опять зевнула.

– Я в магазине видела Антона, он передавал тебе привет.

– Пусть засунет свой привет, – дальше следовала пауза и Зина закончила фразу: – В карман.

– Такой хороший мальчик, – мать Зины любила поговорить о том, как было бы здорово завершить многолетнюю дружбу их семей и породниться.

– Зануда, – поморщилась Зина и на её носу появилась поперечная складка.

– Уравновешенный, воспитанный, вежливый, а самое главное перспективный, – перечислила мать качества Антона помешивая в такт ложкой.

– Вот и выходи за него замуж, – Зина сунула в мойку грязный стакан и пошла к двери.

– А помыть? – крикнула ей в спину мать.

– Антон помоем, – огрызнулась Зина.

Комната, в коричневую и желтую полоску от двери к окну и дальше, по часовой стрелке, по прежнему навевала скуку. Зина перебрала свои рисунки, которые от длительного хранения потеряли свежесть и немного потускнели, полюбовалась витиевато закрученными линиями и отложила их в сторону. Антон ей не нравился, но мысль о том что она для него что-то значит её согревала. Конец лета, теплый, уже без комаров и мошки, располагал к прогулкам.

– Ир, пошли, погуляем, – Зина позвонила подруге.

Хлопнула входная дверь и не успела мать попросить купить хлеба как Зина уже стояла у подъезда и разглядывала подъехавшую машину, из которой соседка тётя Маша волоком вытащила две огромные сетки с луком.

– Куда ей столько, – удивилась Зина.

Вечером, после прогулки, она вспомнила огромные сетки с луком, новый смартфон подруги, вошла вконтакт и добавила в объявление: – Продаю картины, графика, пейзаж, не дорого! Рисую портрет без фона триста рублей, сложный портрет с фоном пятьсот рублей, тому, кто приводит мне двух клиентов, один портрет без фона бесплатно. Про то, что тому «кто приводит» бывает бонус, она знала из сетевого маркетинга, которым пробовала заниматься. Зина перечитала объявление, расставила запятые и добавила: – Простите за коммерцию, но сена хочется.

На объявление никто не откликнулся ни в первую неделю, ни во вторую.

По вечерам Зина скучала у окна. Со второго этажа ей была видна серая, безликая стена телефонной станции. Зина прищурилась и представила как невидимые телефонные нити, которые переплетаясь, связывают между собой людей, города, страны. Миллионы людей, сотни миллионов, говорили, отдыхали, ели и пили на концах этих нитей.

– Интересно, какие отношения их связывают, – подумала Зина и сама себе ответила: – родственные узы или любовные отношения. Впрочем, я не верю в «любовь до гроба», «вместе

раз и навсегда», «вторая половинка», «предназначенный судьбой», Антону надо сказать, чтобы губу особо не раскатывал, но пока пусть ходит кругами.

Чтобы объяснить с ним Зина составила целый трактат о своём понимании отношений. Трактат получился великолепный: – Если мне человек приятен тем, как он говорит, что он говорит, как он относится при этом ко мне, без насмешки, без пренебрежения, без высокомерия, без негатива, мне начинает нравиться его голос. Насмешка, пренебрежение и высокомерие не ставились во главу угла трактата и не были своеобразной точкой отправления, она ставила ударение на «его голос», потому что голос у Антона был тонкий, и он этого стеснялся.

– Если мне нравится его речь и то, о чем он говорит, я привыкаю к его голосу, – продолжала она мысль: – И симпатизировать этому голосу.

Чтобы дать Антону минимум надежды она добавила; – Мне могла не нравиться его внешность, с точки зрения эстетической, но если мне нравится его речь, потом голос, мне начинает нравиться внешность, какой бы она ни была.

– Теперь Антон из кожи лезть будет, – Зина похвалила себя за эту фразу

Северный летний вечер не торопился превращаться в ночь, хлопоты по приготовлению ужина закончились, семья в полном составе чинно села за стол. Антон медленно водил по тарелке ножом и строго следил, чтобы младший братишка пользовался салфеткой. Мать плавными движениями меняла тарелки, отец благодарил ее и искоса поглядывал на детей, замечают ли они тот хороший пример, который он подаёт. Дети замечали и держались так, словно сидели на приёме у английской королевы.

После ужина отец занялся младшим сыном, а Антон включил компьютер. Он щёлкал по клавишам и размышлял: – По-хорошему список контактов и друзей надо было почистить и оставить не боле полсотни. Очень хотелось начать с Зины, она была у него в друзьях, переписку они не вели, и только перед днём рождения обменивались приглашениями. Мать Антона считала Зину способной художницей и хвалила по каждому удобному случаю. Отец не был почитателем таланта Зины, но и он рассматривал её как потенциальную невестку. Антону Зина не нравилась, за глаза он называл её свиноматкой или коровой, в присутствии родителей наиграно вежливо изображал внимание и ждал случая расквитаться с ней за её высокомерие.

Трактат о понимании отношений он прочёл внимательно, слова о голосе заметил и в первый момент захотел написать Зине колкое письмо, но увидев объявление и фразу «сена хочется» плюнул на эту затею.

Городская жизнь торопила, звала, настаивала. Трамваи, позвякивая на стыках рельсов, старались вовремя отвезти кого-то на работу, кого-то в поликлинику или в иное присутственное место. Людские потоки, памятуя что, «кто не успел, тот опоздал» перенеслись из квартир в цеха, склады, офисы.

Зина проснулась к обеду, когда в квартире никого не было. Едва разлепив глаза, она прошла на кухню, налила стакан молока, поднесла его к губам. То ли от долгого сна, то ли от тишины мысли в её голове тянулись медленно, очень медленно, так медленно, словно их вообще не существовало. Спать больше не хотелось, занять себя было нечем, стопка рисунков, так и не востребованная валялась на столе, автопортрет без фона, приколотый к стене над кроватью смотрел на Зину пустыми глазами. Она села у окна и уставилась на серую стену телефонной станции. Набежавшее облачко отразилось на штукатурке грязным бесформенным пятном. В пустом, безлюдном переулке не было ни звука.

Тишину нарушил дверной звонок, он требовательно просвистел соловьём пять раз подряд.

– Мать из магазина пришла, надо открыть, – Зина поднялась со стула.

На лестничной площадке стоял молодой человек в синем комбинезоне, он протянул Зине лист: – Распишитесь за доставку.

Не задавая вопросов, она поставила подпись и выжидающе посмотрела на руки курьера.

– Сейчас будет, – он отошёл в сторону.

Неизвестно откуда взявшийся еще один человек в синем комбинезоне ловко протиснул тюк сена с площадки в прихожую, за первым тюком последовал второй, затем третий, парни вежливо попрощались с изумлённой Зиной, которая стояла столбом, открыв рот, и закрыли за собой дверь.

*17.09.2014*

*Волгоград*

## Толерантность

Две тощие кладовщицы сновали между стеллажами. На стеллажах, выстроенных в ряд от пола до потолка, стояли ящики с запасными частями для автобусов. В углу, привалившись друг к другу, лежали камеры для колёс. На столе лежали пачки накладных и стопки журналов учета. Во всём, что происходило на складе, чувствовались размеренность, порядок и весёлость.

Каждые пять минут открывалась дверь, очередной посетитель протягивал бумагу подписанную начальством и просил выдать требуемое. Кладовщицы беззлобно огрызались и оббегавая всё своё хозяйство безошибочно вытаскивали с полок то, что было необходимо в данный момент.

Затем они подбегали к столу, отмечали что-то в журнале, и вся канитель начиналось сначала.

Припорошенные снегом ворота автобазы со скрипом открывались и пропускали внутрь сошедшие с рейса автобусы. Водители, дотянув грудь железа до мастерской с досадой плевались, а механики вспоминая мать всех необходимых запчастей, подписав требование шли на склад.

На складе было тепло, в углу не тумбочке посвистывал электрический чайник и в любую высвободившуюся минуту был готов предложить кипяток.

Минуток свободных не было, зато время не тянулось бесконечно, а в рабочей суете были смысл, ощущение важности и необходимость личного присутствия.

Коля приходил на склад ближе к перерыву, когда основной наплыв посетителей спадал, а кладовщицы могли присесть и вздохнуть свободно.

– Опять сидят! – весело почти кричал он вместо приветствия.

– Да вот только присели, – в один голос отвечали кладовщицы.

– Ишь, отдыхают, жо\*\* себе наращивают, – продолжал Коля диалог обязательной фразой.

Кладовщицы смеялись, и не вставали, словно приклеились к стульям.

– В двери скоро не пролезете с такими толстыми жо\*\*, – продолжал развивать тему жо\*\* Коля.

– Когда полный список запчастей, согласно требования, привезёте? – кладовщицы знали на какую тему перевести разговор.

– Да вы своими жо\*\* скоро стеллажи сбивать будете, – не унимался Николай.

Кладовщицы, привыкшие к его шуткам, смеялись и отшучивались, огромный склад с огороженной камеркой наполнялся звонкими голосами.

Коля уходил, а тощие кладовщицы еще долго улыбались парню вслед, потому что очень симпатизировали ему за его беззлобный нрав и отзывчивость.

Ночью мела метель. Ветер, подгоняя снежинки, складывал их в сугробы по-над заборами, и стенами, перемел дорожку от проходной к складу и закрыл белой шапкой огромный навесной замок. Утром, заледеневший, он едва открылся, предлагая кладовщицам долго согреть его своим дыханием.

Стеллажи, вытянувшись как на параде были готовы к очередному рабочему дню. Девушки разложили журналы, и в тот момент, когда одна из них ткнула пальцем в кнопку электрического чайника, дверь открылась и на склад вошла молодая, лет двадцати двух женщина. Она медленно, боком, протиснулась между полками и представилась: – Я ваш новый кладовщик, опыт работы имею.

– Вот теперь можно в отпуск идти, – произнесла одна из кладовщиц.

– Это ближе к весне, – поправила её подруга.

– Я буду работать со смещённым графиком, – предупредила новенькая.

– Да не вопрос, нам уже надоело по воскресеньям тут сидеть.

– Не сидеть надо, а работать, – новенькая выразительно посмотрела на закипающий чайник.

Чайник в ответ засвистел протяжно и громко.

– Похоже, далеко собирается идти, – тихо, вскользь заметила одна из кладовщиц.

– Я уже работала в аналогичном предприятии, – новенькая знала себе цену и как говорится «с порога» подавала себя как «товар лицом».

– Надо узнать, откуда к нам такая жар-птица.

– Сейчас узнаем, – тощая кладовщица завернулась в платок, ухватила со стола первый попавшейся бланк и выскользнула прочь.

Через полчаса уже было известно, что её привёл с собой нынешний заместитель директора. Этот факт воодушевил кладовщиц и как только на склад стали приходить механики Инну, так звали новенькую, наперебой начали гонять за запчастями, приблизительно называя номер стеллажа и номер полки. Инна двигалась медленно, не обращая никакого внимания на образовавшуюся очередь. Механики, у которых был план на весь рабочий день, нервничали и трясли накладными, однако её это не смущало, она ходила так, словно боялась расплескать себя. Впрочем, если бы она и захотела поторопиться, из этого ничего не получилось, потому что ходить по складу она могла только боком и никак иначе.

Чайник на тумбочке загудел и предупредил о наступлении перерыва. Механики чертыхаясь ушли, девушки сели за стол и в дверях появился Коля.

– Опять сидят!

– Да вот только присели, – диалог шёл по шаблону.

– Ишь, отдыхают, жо\*\* себе наращивают, – как конь заржал Коля.

Инна слегка смутилась.

– В двери скоро не пролезете с такими толстыми жо\*\*, – тема жо\*\* была не исчерпаемой.

Тощие кладовщицы знали, как перевести разговор в другое русло, но молчали и наблюдали за изменениями на лице Инны.

– Да вы своими жо\*\* скоро стеллажи сбивать будете, – не унимался Николай.

Инна отодвинула чашку с чаем и положила на блюде надкушенный пирожок.

– С чем? – Коля широко раскрыл глаза, – Неужели с джемом?

– А то! – кладовщицы поставили на стол большую пластиковую миску до краёв наполненную пирожками.

Коля словно щипцами подхватил тот, который лежал сверху и отправил в рот; прищурился, причмокнул и потянулся за следующим.

– Вот куда им столько, – он обратился к Инне, – разьедаются как коровы, как слонихи. К лету в платья не залезут.

Инна смотрела на свои колени, в её голове медленно формировалась мысль, что нахала надо посадить на место, но как она пока не знала.

Коля умял третий пирожок, – Вас от ожирения спасаю, – прокомментировал он, запивая его чаем.

– А мы еще напечём, – подыграли ему кладовщицы.

– Ну вы и жо\*\*, от вас мужья сбегут.

– Не сбегут.

– Да, – согласился Коля, – Если вы в дверном проёме встанете. Вы скоро по автобазе как парходы по реке плыть будете, для автобусов места не останется.

Перерыв закончился, закончились шутки про пирожки, хороший аппетит и толстых женщин. Коля ушёл. Кладовщицы переглянулись и пошли снимать остатки ГСМ, Инна черной тучей осталась сидеть за столом.

Серое утро легло на сугробы. Рассеянный солнечный свет лениво освещал административное здание, механики, протоптав дорожку, столпились у входа на склад, на двери которого

висел амбарный замок. Кладовщиц не было, возникшая было в их адрес ругань, сменилась тревогой и разными предположениями.

В это время, в кабинете главного инженера моргала потолочная лампа, сам он стоял у окна и смотрел на толпящихся у склада механиков. У стены, подперев её спиной, стоял Коля, рядом с ним стояли кладовщицы, все трое они с большим интересом рассматривали облупившийся серый потолок. Инна сидела поодаль и тоже рассматривала потолок с не меньшим усердием. Молчание затянулось, лампочка еще раз моргнула и потухла.

– С чего же начать, – инженер слегка прикусил губу.

– Какого ему надо, – пытался догадаться о причине собрания Николай.

Инна сидела, надувшись и слегка приподняв правую бровь, сверкала глазами то на кладовщиц, то на Колю, и так по кругу. Инженер, поймав ее выжидательный взгляд, кашлянул, и произнёс: – Тут сигнал на вас поступил.

Кладовщицы встрепенулись, но инженер, не дав им открыть рта, добавил: – Лишаетесь премии, вы трое.

– За что? – Николай выпучил глаза.

Это был сложный вопрос, у инженера запершило в горле, и он еще раз кашлянул: – С приказом ознакомьтесь в приёмной директора.

Чтобы прекратить разговор он вспомнил о неотложном деле и первым торопливо вышел из кабинета, остальные последовал следом.

В приёмной, увидев входящего мужчину и трёх женщин, секретарша прыснула в кулак, порылась в стопке бумаг достала необходимую, показала глазами на Инну и протянула бумагу с приказом Николаю.

В приказе черным по белому было написано что Николай и кладовщицы получают выговор с лишением премии за отсутствие толерантности к коллеге.

*12.09.2014*

*Волгоград*

## Старик и морда

Когда шёл дождь Мартин садился у окна и, открыв створки, вдыхал морской воздух. Голова начинала кружиться, память доставать и показывать ему давно забытые картинки из прошлого, в котором тоже были летний дождь, морской берег и белые в голубых розочках занавески.

Обеденный стол стоял у окна, и когда отец садился обедать, на фоне голубых розочек его чёрная шевелюра казалась почти синей; он поправлял волосы и задавал всегда один вопрос: – Учишься?

– Наш Марык самый умный, – отвечала мать.

Отец кивал головой, кудри встряхивались, и обед дальше шёл в полном молчании.

Мать никогда не называла его самым красивым, так как это было бы совсем не правдой, а вот называя умным и талантливым, она почти не грешила против истины.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.